

Судя по безумным поступкам Цзин Шо, через несколько дней он, вероятно, в порыве гнева убьёт Дуань Юньшэня.

Осознав это, Великая вдовствующая императрица стала более великодушной:

— Я просто напоминаю Вашему Величеству, что наложница Юнь — это человек из вражеского государства, и ей нельзя доверять. В любой момент она может подсыпать яд в вашу еду. Вы ведь не забыли, каково это, когда тебя предаёт близкий человек?

В глазах Цзин Шо была тьма, но на его лице не было никаких эмоций.

Великая вдовствующая императрица:

— Кстати, я слышала, что Цзин И возвращается. Я знаю вас: как только вы увидите своего дядю, вы устроите проблемы.

Когда Цзин И был при дворе, Цзин Шо действительно устраивал много проблем, но объективно говоря, это было не только из-за дяди.

Просто, когда Цзин И, как регент, и Великая вдовствующая императрица противостояли друг другу при дворе, Цзин Шо мог легко провоцировать конфликты между ними.

Великая вдовствующая императрица:

— Он вернётся ненадолго, так что ведите себя спокойно. Кстати, вчера вы оскорбили Великую вдовствующую супругу Сюй, поэтому вы будете под домашним арестом три месяца, переписывать книги и успокаивать ум. Не пытайтесь использовать это время, чтобы устроить мне проблемы.

Как только она закончила говорить, охранники подошли и повезли Цзин Шо в его комнату для домашнего ареста.

Цзин Шо, похоже, был очень послушным и не сопротивлялся.

Поздней ночью.

Дуань Юньшэнь переоделся в одежду маленького евнуха и через окно проник в комнату, где Цзин Шо находился под домашним арестом.

Он огляделся и сразу заметил Цзин Шо.

Хотя он был одет как маленький евнух, он не выглядел робким или подобострастным. Его тонкая талия, длинные ноги и приятная внешность делали его скорее героическим, чем слугой.

Он поставил коробку с едой на стол Цзин Шо и собирался открыть её, чтобы показать, что принёс, но сначала заметил лист бумаги на столе.

Дуань Юньшэнь с любопытством взял его.

При ближайшем рассмотрении он увидел, что на рисунке не было лица, только точка на месте брови.

Дуань Юньшэнь: ...

Это что, я?

Цзин Шо не волновался и медленно сказал:

— Что ты видишь?

Дуань Юньшэнь: ...

Он колебался между тем, чтобы сыграть роль актёра или притвориться глупым. Что лучше: сказать «Я вижу, как сильно Ваше Величество любит меня» или притвориться скромным и сказать «Я не понимаю»?

Цзин Шо:

— Неужели полужаконченный портрет делает тебя таким счастливым, что ты не можешь говорить?

Дуань Юньшэнь: ...А?

Цзин Шо:

— Не скрывай свою радость. Этот портрет я дарю тебе.

Дуань Юньшэнь вздохнул, мысленно сказав «Спасибо, Ваше Величество», и сложил бумагу, засунув её в рукав.

Без особого трепета.

Цзин Шо наблюдал за всеми его действиями.

Дуань Юньшэнь открыл коробку:

— Я принёс вам еду. Сяо Гоуцзы сказал, что во время домашнего ареста и переписывания книг нужно избегать мяса, но как можно жить без мяса? Поэтому я оставил вам несколько мясных блюд из своего ужина.

На самом деле Дуань Юньшэнь сам не любил эти блюда и решил, что лучше отдать их, чем выбросить.

Чтобы выжить и получить поцелуй, нужно быть милым. Прийти, поцеловать и уйти — это слишком по-хамски.

Он разложил еду, которую перед этим попросил Сяо Гоуцзы разогреть. Блюда всё ещё дымились.

Дуань Юньшэнь поставил палочки и с улыбкой посмотрел на Цзин Шо:

— Кушайте.

Цзин Шо молча смотрел на него, не отвечая и не проявляя никакой реакции, что заставило Дуань Юньшэня нервничать.

Цзин Шо:

— Перед тем как я ем, кто-то должен попробовать еду.

Дуань Юньшэнь: ...Что?

Цзин Шо:

— Ты знаешь, сколько людей пытались отравить меня этим способом?

Дуань Юньшэнь: ...Сколько?

Цзин Шо спокойно ответил:

— Двое.

Оба были людьми, которым он доверял больше всего.

Один из них был даже его кровным родственником.

Тогда он был ещё ребёнком, несправедливо обвинённым и посаженным под домашний арест. Все думали, что его лишат титула или даже казнят. Даже маленькие евнухи позволяли себе грубость с ним.

Именно в это трудное время его мать, как и этот человек сейчас, тайно пришла к нему, разложила еду и с нежной улыбкой предложила поесть.

Но еда была отравлена.

...

Цзин Шо знал, что те, кто может ударить тебя в сердце, находятся ближе всего к тебе.

Два урока были более чем достаточны. Он привык держать всех на расстоянии, заставляя их бояться и избегать его.

И сам он тоже остерегался всех.

Дуань Юньшэнь почувствовал, что атмосфера стала напряжённой.

Дуань Юньшэнь:

— ...Ваше Величество?

Цзин Шо внезапно спросил:

— Могу ли я доверять тебе?

Дуань Юньшэнь: ...Что?

Цзин Шо:

— Попробуй еду для меня.

Дуань Юньшэнь: ...

Докажи, что ты пришёл с добрыми намерениями, а не со злым умыслом.

Дуань Юньшэнь: ...

Я принёс тебе еду из доброты, а ты подозреваешь меня в злых намерениях?

С таким недоверием ты останешься одиноким.

...Хотя, кажется, у него уже есть жена.

Его жена — это я.

Дуань Юньшэнь молчал.

Цзин Шо:

— Что, боишься?

Дуань Юньшэнь: ...

Он взял палочки и с трудом положил немного еды из каждого блюда в рот.

Цзин Шо молча наблюдал.

Дуань Юньшэнь прожевал еду и проглотил её. Затем он развёл руками, как бы показывая, что он всё ещё жив.

Видишь, я жив. Удивительно, правда?

Цзин Шо не изменил выражения лица, лишь на мгновение замолчал, а затем сказал:

— Ты только что съел. Если в еде был яд, он подействует чуть позже.

Дуань Юньшэнь подумал, что, значит, ему нужно подождать?

Я принёс тебе еду из доброты, а ты ведёшь себя как собака, укусившая Лу Дунбиня.

Ему стало неприятно, и он невольно бросил на Цзин Шо недовольный взгляд, который тот сразу заметил.

Дуань Юньшэнь:

— ...Кхм, да.

Цзин Шо равнодушно отвел взгляд и продолжил переписывать книгу.

На этот раз он не рисовал портреты, а аккуратно переписывал текст.

Почерк Цзин Шо был красивым, сильным и свободным. Глядя на него, невозможно было представить, что это человек с мрачным и неустойчивым характером.

Видимо, поговорка «почерк отражает человека» — это ерунда.

Дуань Юньшэнь ждал около чашки чая, но Цзин Шо всё ещё не реагировал. Он не выдержал и напомнил:

— Ваше Величество?

— Прошла всего лишь чашка чая. Что ты так торопишься? — Цзин Шо продолжил медленно писать.

Дуань Юньшэнь едва не задохнулся от гнева, но набрался смелости и возразил:

— Если Вы так сомневаетесь, просто не ешьте.

Цзин Шо:

— Не есть — значит, потратить твою доброту впустую.

Он всё ещё был спокоен и не торопился.

Дуань Юньшэнь чувствовал, как гнев поднимается в груди. Он мысленно ругался: «Продолжай ждать, через некоторое время мясо превратится в кусок жира, и посмотрим, как твой желудок это выдержит!»

Он ходил по комнате, скучая и раздражённо, готовый укусить этого спокойного тирана и убежать.

Я ведь просто пришёл за поцелуем, чтобы продлить жизнь! Зачем я вообще принёс ему еду?

Дуань Юньшэнь скрипел зубами, глядя, как тиран спокойно пишет. Ему даже захотелось укусить его.

Цзин Шо:

— Садись, не стой там, загораживаешь свет.

Дуань Юньшэнь: ...

Светильник стоит на твоём столе. Как я могу загораживать свет? Я что, забрался тебе на колени?

Прошло ещё полчашки чая, Цзин Шо всё ещё переписывал книгу.

Но вдруг Дуань Юньшэнь схватился за грудь, его лицо исказилось от боли.

Он поднял глаза на Цзин Шо:

— Ваше Величество...

Не успев закончить фразу, он потерял силы в ногах и упал.

<http://bllate.org/book/16211/1455493>